

В л а д и м и р Т о к м а к о в

ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ КОРОЛЕЙ

(фрагмент из романа)

Если кто-то шагает не в ногу, не значит ли это, что ему слышится бой другого барабана? Так не будем мешать ему маршировать под ту музыку, что ему слышится.

Генри Дэвид Торо. "Уолден, или Жизнь в лесу"

Это была мать Герстекера. Она подала К. дрожащую руку и усадила его рядом с собой; говорила она с трудом, и понимать ее было трудно, но то, что она говорила... (На этом рукопись обрывается.)

Франц Кафка. «Замок»

У меня на левом плече татуировка — в розовом сердечке выбито имя «Марта». Я не помню, откуда она взялась, и моя подруга Катя постоянно меня подкалывает:

— Может, «Поздравляю с 8 марта»? И что тебя остановило?

На самом деле ей, конечно, не нравится имя какой-то бабы на моем плече. Это сейчас она шутит, говорит, забей чем-нибудь сверху или срежь лазером. Но скоро наверняка начнет обижаться по-настоящему. И я сделаю так, как она скажет. Но пока пусть будет. А вдруг я что-нибудь вспомню?

— Чем дольше мешаешь, тем чай вкуснее? — спрашиваю за завтраком.

— В смысле? — настораживается Катя.

Думает, у меня едет крыша.

Хорошо, ладно.

Побуду таким, как все.

* * *

После того случая в трамвае память моя восстановилась практически полностью. Это был Новый год, я отмечал его с друзьями

ми. Понятно, крепко выпили. Клубы, праздничный фейерверк, вечеринка на незнакомой хате. Помню, был искренне счастлив. Радовался, что многое в году получилось, строил планы на следующий. В огромной квартире какого-то коммерса были девушки. Молодые, разгоряченные праздником. Многим нравился я, многие нравились мне. Можно было и остаться, но я-то знаю, каково это — просыпаться первого января в чужой квартире. Нет, лучше не травмировать психику.

Я выбрался в третьем часу ночи. Вывалился из подъезда на морозный воздух и увидел трамвай. Он ходил бесплатно всю новогоднюю ночь. И я решил, что поеду на трамвае. Ну и где-то по дороге меня сильно избили.

— И вы ничего не помните? — удивляется молодой следователь.

— Хотя бы где это произошло? — врач.

Реально ничего. Раз, два, три, четыре, пять, я иду себя искать.

На дне бутылки столько утопленников.

В общем, очнулся в больнице. Был, как говорится, между жизнью и смертью. Даже как зовут не помнил. Не узнавал ни родителей, ни знакомых. Тупо глядел на свой паспорт. Кто это? Но постепенно, уже выписавшись, начал вспоминать. Надеюсь, это была моя жизнь. Но провалы все равно остались. Например, вот эта татуировка. Что за «Марта»? Не знаю. Но вдруг это важно для меня? Или для других?

* * *

Вот что было дальше.

Я проснулся от женского вопля.

Кричала моя бедная Катя. Произошло ужасное, я душил ее. Возвращающимся сознанием я увидел ее перепуганное лицо, вытаращенные глаза, раскрытый рот, беззвучный крик. Мои пальцы на ее шее. Потом появился звук, и я отпустил ее. Пять утра, зимнее темное утро. В таком отвратительном утреннем свете, между сном и явью, как в кислоте, растворяются мозги и крепеж моих. Но разве это оправдание?

— Ты конченный придурок. — Она была так напугана, что даже не плакала, только трогала шею. — Одевайся и вали!.. — крикнула

через минуту, придя в себя. — И не приходи, пока не вылечишь голову!

Я молчал, растерянно смотрел на свои большие сильные руки, будто они были и не мои вовсе. Мне было страшно не меньше. «Повесившийся долго шел на дно, — крутилось в голове, — и, оттолкнувшись, выплыл на поверхность...»

Квартира ее, и, в общем, она права.

Я взял зубную щетку и съехал к другу.

Вы спросите, было ли что-то подобное со мной раньше? Нет. Я не псих. И я помню сон, приснившийся той ночью. Меня пытался убить человек в куртке с капюшоном. Он был в маске. Значит, надо все вспомнить, пока не натворил бед. Я не дебил, как считают некоторые. Просто обстоятельно все обдумываю, прежде чем ответить. Или, подумав, не отвечаю вовсе. Потому что для меня, в отличие от некоторых, важно, *что* думать и говорить.

* * *

Утренний зимний город тонул в серо-желтом тумане. Ночью заморозило, и деревья в густом инее стали похожи на кораллы. Мы — затонувшая цивилизация. Начало вполне библейской истории.

У меня небольшая комнатенка, кровать, стул и тумбочка, вместо прихожей — крохотная кухня с электроплитой и столиком. Жилье служебное, бывшая советская общага, приватизированная и переделанная в малосемейку. Работаю вахтером. Да-да, не романтично. Но в другом качестве мегаполису-государству я, увы, не нужен.

«А что в тебе, Максимушка, такого особенного? — спрашивает невидимый оппонент. — Все, кому не лень, считают себя недооцененными талантами. А по факту — пшик».

Знаю-знаю. Но оставьте мне хоть мечту, если уж забрали все остальное.

Смотрю в окно, пью кофе. Там, в глубине холодного стекла, кто-то тоже держит чашку. Но мне всегда кажется, что он более настоящий, чем я. Если долго так смотреть, отражение едва заметно ухмыляется в ответ. Нагло, высокомерно. Словно все про меня знает.

Вот, например, во всех нас с детства живет жажда подвига. Бежать с оружием наперевес и криком «Ура!» — навстречу героиче-

ской смерти и посмертной славе. В генах сидит это дерьмо. Конечно, нестись в атаку проще, чем подготовить вовремя годовой отчет... Но был бы у меня выбор, я бы тоже променял свою унылую стабильность, серую однообразную — обычную — жизнь на эйфорию знаменосца, скачущего впереди всех — в опасную неизвестность.

«А кто тебе не дает жить? — опять язвит тот, невидимый. — Смoтри, сколько возможностей! И в нашей стране молодые люди живут весело и увлекательно, и с пользой для себя и общества. Потому что они умеют работать в команде, оценивают себя и окружающий мир — ре-а-лис-тич-но».

«Может, это просто ты — скучный, серый и неинтересный?»

Может, и так. Меня вообще часто путают с другими. Останавливают на улице и говорят: «Привет» или «Здравствуйте». А чуть позже: «Ой, извините, просто вы очень похожи на...»

Раньше я радовался, думал, похож на известного актера или телеведущего. Потом только догадался: путают, потому что я похож на всех. А сам начисто лишен какой-либо индивидуальности.

Часто просыпаюсь рано. Люблю тихое, спокойное время перед работой. Можно побыть самим собой — и с самим собой. В этой тишине мир словно залит жидким стеклом — ни одного прохожего. Но всего через десять минут мир прорвет, и он зашумит жильцами на кухнях и в ваннах, хлопающими дверями квартир, гулом лифта. Невыспавшиеся, раздраженные жители города выплеснутся на улицы. Это их мечтами и мыслями питается мой город.

Твоя жизнь — это то, что можно унести под мышкой, все остальное — лишнее, говорит отец. Я с ним не согласен. Мне нужно много, очень много. Деньги, машины, женщины с обложек журналов. Кругосветные путешествия, пентхаусы, шмотки — все, что отличает мое поколение от поколения родителей.

Да, это моя родная провинциальная техническая интеллигенция. Папа — вечный инженер на химкомбинате, мама там же технолог. Так жизнь и прожили. Городские, но с крепкой крестьянской моралью. Не колхозной, а крестьянской. Простые, честные. Я не похож на них.

Помню, в девяностые у нас дома вся еда была из капусты и картошки: жареная, пареная, квашеная; пельмени с капустой, вареники с картошкой, тушеная капуста с картошкой и так далее. Ничего,

выжили. По праздникам собирались гости. Пели про «заводскую проходную, что в люди вывела меня». Женщины налегали на любовную тематику: «Каким ты был, таким ты и остался...» Пели не голосом, а сердцем:

*Огней так много золотых
На улицах Саратова,
Парней так много холостых,
А я люблю женатого.*

Некоторых пробивало на слезу. Святые люди!

Химкомбинат — по безумным советским традициям — построили на берегу степного озера. Градообразующее предприятие чудом не закрылось в девяностые. Родители считают это главной жизненной удачей.

— Тогда город перестал бы существовать! — бледнея, горячится отец.

— Так это же хорошо! — поддразниваю я. — У людей появился бы шанс на новую жизнь.

Что еще было у них в жизни? Папа вспоминает службу на Курилах, а мама поездку в 1985-м по турпутевке в Болгарию (ну, и наше с сестрой появление на свет). Мама привезла из Болгарии гэдэровский джинсовый костюм и набор польских дезодорантов — мне завидовали все друзья.

Так чем же закончилась война поколений?

Нас всех победило будущее.

Оно, как всегда, переиграло и отцов, и детей. Потому что будущее всегда выглядит не так, как мы его себе представляли. Оно выглядит как свершившееся — ненавистное — настоящее.

После школы я уехал в соседний город, поступил в институт культуры. Говорили — талант, даже предлагали остаться в областном молодежном театре. Но я считал, не мой масштаб. Пару лет без толку проболтался в своей унылой провинции и в 2013-м, за год до «крымской весны», приехал в большой — самый большой (так я считал) мегаполис мира.

О, эти дурацкие мечты о карьере киноактера! Мне нравились героические роли рыцарей в горящих золотом доспехах. Но с ра-

ботой в кино или в театре не получилось. Деньги скоро кончились, и тут стало не до шуток.

Родители присылали все, что зарабатывали. Но откуда им знать, что этих денег не хватало даже на квартиру? И я в конце концов нашел работу лифтера. В длинном, как китайская стена, многоэтажном доме, серой бетонной тоской уходящем в мутно-туманное, грязное мокрое небо.

Бригадирша, полная тетка со слоновьими ногами и свистящей одышкой, сказала, что мне повезло. На такую работу в городе не так-то просто устроиться — нужен блат или особое расположение, сказала она. У нее были деньги на сигареты, но она любила папиросы — курила жадно, взятыг, а потом долго кашляла и сипела, сплевывала. Она выбила мне комнату в бывшем советском общежитии, приватизированном и перестроенном. Только тогда я догадался. Эта тертая жизнью женщина с собранными в пучок волосами и тяжелым, остановившимся взглядом маленьких, как гвоздики, глаз, имела на меня виды. У нее была биография. Она служила на женской зоне. Имела награды. Как положено, вышла на пенсию. Нрава была крутого. Несколько лет назад ее муж (тоже, говорят, не робкого десятка) сбежал в деревню — не сказав, в какую. Уже на первом дежурстве мы занялись любовью в подсобке.

— Теперь ты, Максик, понял, почему я тебя выбрала?

Мы работали сутки через трое. Такой график меня устраивал, оставалось время для занятий в актерской студии. Вроде ничего сложного: «Все, что делает лифтер, связано с обеспечением бесперебойной работы лифта. Он отвечает за качество работы всей грузоподъемной системы. Если в лифте застряли люди, то, согласно инструкции, лифтер обязан связаться с компанией, курирующей подобные происшествия для проведения эвакуации, и т.д.» В общем, кнопка «Вызов» — это я. Можно сказать, работаю по вызову.

Бригадирша приходила в мое дежурство, и я ее обслуживал. Постепенно привык, обычная рутина, типа общественная нагрузка на работе. Физиология. Зато я никогда не дежурил в выходные — это тоже было ее особым расположением.

* * *

Ночные часы тянутся медленно. В доме везде установлено видеонаблюдение. По совместительству мы еще и консерджи.

Полусонный сию перед маленькими черно-белыми мониторами и вполглаза оцениваю, что происходит.

А насмотрелся много чего. Вот из клуба вернулся гуляка из здешней «золотой молодежи». У него есть квартира, но он занялся сексом с подругой в одном из коридорных отсеков — так интереснее, какое-никакое, а приключение. Вот на площадке тошнит упившихся пивом, обкурившихся подростков. Утром их блевотину замочит уборщица, тихая и незаметная приезжая из Таджикистана.

Бывает, в дом просачивается бомж или наркоман. И вот это уже проблема. Моя проблема.

Бомж может присесть где-нибудь в уголке и навалить кучу. Наркоша попробует ширнуться. Если сейчас же не разобраться, утром жильцы, зажимая носы, будут обходить обмочившегося бомжа или обдолбанного нарика. А меня выпрут с работы.

Поэтому я должен все разруливать.

Однажды поздно ночью в лифте застрял знаменитый режиссер. Тот, что снял «Место встречи изменить нельзя» с Глебом Жегловым и Володей Шариковым. Он не жил в этом доме, пришел в гости. Причем в кабине с ним оказалась юная девица. Я так и не понял, были они парой или случайными попутчиками. «А теперь Горбатый, — шутил режиссер через дверь, когда мы пришли их вырывать, — Горррбатый, я сказал!..»

* * *

Дворцы восемнадцатого века и небоскребы, модерн и сталинский ампи́р. Терема в псевдорусском стиле и конструктивистские застройки двадцатых годов, готические замки и советские панельки. Купеческие особняки и хрущевки, доходные дома и заводские корпуса. Церкви в стиле барокко, католические соборы, мусульманские мечети, древние еврейские синагоги с лабиринтами бесконечно разветвляющихся под старыми кварталами подвалов. Все перемешалось в этом мегаполисе.

Иногда мне кажется, этот город в реальности не существует. Его уже давно нет. И нас тоже. Мы все — словно свет погасших звезд. Нас нет, а свет еще идет.

Я не бросил заниматься на актерских курсах. Платно, разумеется, и больше для себя. Пусть это не полет, но хотя бы мечта о полете. То, без чего выжить еще труднее. Наш руководитель, заслуженный артист Виль Липатович Комаровский недавно отметил семидесятипятилетний юбилей. Он был поклонником не только системы Михаила Чехова, но и крепленых вин.

— По Станиславскому, — начинал он, прихлебывая маленькими глотками из большой кружки, — актер должен создавать образ маленькими этапами.

Нет, он не гордился своим бытовым алкоголизмом. Не афишировал его, не бравировал, как многие представители богемы. Вино в кружке он, словно кофе, помешивал маленькой ложечкой. Старая школа!..

— Только так, считал он, рождается образ! — Звенела ложка в кружке. — Воображение — главное свойство драматического артиста!

Тут Виль Липатович делал еще один глоток и произносил на подъеме:

— Но я считаю — движение! Именно движение определяет образ и нужное чувство! Задайте себе вопрос: верю я тому, что изображает актер? И сразу станет ясно, хорошо он играет или нет. А достоверность достигается правильным внутренним существованием актера, умением проживать то, что происходит с его персонажем, одновременно видеть себя со стороны и управлять своей игрой...

Он не забывал на каждом занятии напоминать, что через «систему Чехова» прошли многие голливудские «звезды»: Мэрилин Монро, Клинт Иствуд, Энтони Куинн.

— Если вы мечтаете о карьере киноактера, вы попали куда надо, — заканчивал он свою стариковскую трескотню. — Чехов показал, что можно творить и так. Вернее, только так и можно что-либо создать на сцене.

Но, как я вскоре понял, «попасть куда надо» в большом городе — значит, оказаться в глубокой заднице. Если уж говорить на-

чистоту, Виль Липатович — просто тихий алкоголик, давно не имеющий никакого отношения ни к театру, ни к кино. Вершиной его карьеры стала эпизодическая роль разбойника в фильме «Белое солнце пустыни». Так как фильм считался «культовым», значит, и все, кто в нем играл, — тоже. Виль Липатович верил в это. Вернее, только в это он и верил.

Мы учили отрывки, монологи, разыгрывали сцены. Иногда просто смотрели записи популярных спектаклей и обсуждали их.

На курсах я познакомился с Янеком Браткевичем. Он тоже грезил об актерстве, но был гораздо практичнее всех нас. Янек убедил меня бросить лифтерную и устроиться подсобным рабочим в театр.

— С этого начинали многие великие артисты, — внушал он после занятий, — это максимальное приближение к мечте. Останешься лифтером — сгниешь. Нужно двигаться...

— Куда? Вперед, назад? — злился я.

— Внутрь!

Он был родом из Иркутска. Его прадед — из поляков, сосланных в Сибирь за участие в каком-то восстании.

— Ты как сюда приехал — наугад или по приглашению?

— Наугад по приглашению, — хмуро отмахнулся я, — уехал, потому что почувствовал, там останусь — погиб.

— Но почему? — допытывался он.

— Есть такое выражение: не в своей тарелке...

— А здесь ты в своей?

— Мне нравится большой город. Масштабы. Старюсь просто жить, — придумываю на ходу, — но это непросто...

Янек пожимает плечами и с брезгливой миной отворачивается — я для него безнадежный провинциал.

— Приезжают из деревни, думают, поняли этот город... Город, может и понял их, а вот они город — никогда.

Приехав в большой город, первое, что я сделал — купил дорогой костюм, рубашку, галстук, туфли. Постригся, привел в порядок ногти и лицо. Хотел стать звездой отечественного кино. Ну, может не сразу, но через пару лет максимум. Больше ждать я не намеревался. Но прошло пять лет, и теперь мои дорогие вещи, аккуратно упакованные, лежат в общежитии для лифтеров.

Боюсь, они мне больше не понадобятся.

Осталась ли в моей жизни мечта? Сверхзадача?

Теперь это устаревшее слово. Ну, не считать же сверхзадачей мечту о повышении по службе, своем доме, новой машине, туристических поездках?

Кончилась эпоха великанов, наступило время карликов, обычных людей. Без свойств и сверхзадач. Задача подольше прожить в этом лучшем из миров, где за деньги можно купить столько всего. Зарабатывать и потреблять, потреблять и зарабатывать...

Янек неплохой парень. Но эта его манерность портит все. Любит красивые жесты, патетические заявления, часто выглядит фальшиво, а попросту смешно.

— Россия мне напоминает человека, который идет вперед, но голова его повернута назад, — неожиданно заявляет он.

— Россия или президент?

— А разве это не одно и то же?

Как-то мы гуляли по центру. Я спросил, не стыдно ли ему врать о трудностях бабушке, живущей в Польше, чтобы та присылала ему свою пенсию? Он остановился, нахмурился, затем ткнул пальцем в небо:

— Вот моя совесть, ясно?

Я только пожал плечами.

— Никогда не испытываю сомнений или угрызений совести, это не модно, — перескакивает Янек на другую тему, рассматривая яркие афиши, — сегодня нужно любить себя и свое тело. А работать, чтобы есть, и есть, чтобы работать, — это для плебса.

И сделав театральную паузу, заканчивает:

— Мой бутерброд всегда падает маслом вверх.

Наш педагог по актерскому мастерству пророчил Янеку профессиональное будущее. Я только разводил руками: как там у Хармса? Настя любила Сергея, а Сергей любил борщ, а борщ любил кипеть и чтобы его называли красным.

Янек манерный, да, но точно не глупый. Общаться с ним интересно.

— Наша беда, Макс, в оседлом образе жизни.

Мы идем по ночной набережной. Дует сырой ветер, гонит по

черному небу белые облака, и в городе светло, как днем. Пьем кофе в больших бумажных стаканах.

— Столетиями живем на одном месте, — прихлебывает он. — Не видя мир, не зная его, не понимая и не любя. Мы верим телевизору, перемены нас пугают, мы боимся, что наш вековой уклад разрушат. Но мы с тобой не такие, раз вырвались из провинциального болота, верно?

Я помалкиваю. Пью остывший кофе и гляжу на темную воду. Я и сам думал об этом. Закроешь глаза и видишь школьную карту; на огромном пространстве разбросаны городки и селения. В них живут люди, мало что знающие об окружающем мире. Как там говорил мой отец? Здесь мало смены власти, здесь нужна смена идеологии.

Мы у станции метро. Время прощаться.

— Часы на моей башне пробили тринадцать раз. — Янек глядит на циферблат своих часов.

— А что за башня-то? — усмехаюсь.

— Из слоновой кости.

* * *

С работой у меня вечно получается поменять шило на мыло. Вернее, шило — на еще более тупое и ржавое, а мыло — на еще более дешевое.

Янек не знал и половины того, что мне приходилось терпеть каждую неделю, когда в лифтерную приходила моя начальница.

Она мне даже снилась.

— Не дай бог у тебя сегодня не встанет, мой мальчик! — грозно говорила она в моем сне.

И я просыпался мокрый от пота на казенных простынях.

Но теперь я терял не только работу, но и служебное жилье.

Однако Янек предложил пожить у него и разделить квартплату.

Квартиру он снимал у милых сестер-старушек. Сталинка, давно без ремонта: выцветшие, в пятнах плесени, обои, скрипучий раскохшийся пол, деревянные оконные рамы, в щелях сквозняки. Теневая сторона, вечный полумрак заросшего деревьями двора. Холод, сырость. Но для мегаполиса недорого.

Старушки оказались подругами детства «польской» бабушки Янека. Сейчас жили в Питере, в молодости работали в театре Образцова, изготавливали кукол для спектаклей. Этими куклами с добрыми и злыми лицами и была уставлена квартира — с бесконечно длинными коридорами и переходами из одной комнаты в другую. По ночам было страшно наткнуться на такую марионетку. Некоторые были и вообще в человеческий рост.

Работа в театре несложная — помогаем собирать декорации, принеси-унеси. Вряд ли так мы приближаемся к мечте. Актер может стать рабочим сцены, а вот рабочий сцены актером — никогда.

— Твои проблемы в этом городе никому не интересны, ты здесь никому не нужен. — Сегодня Янек не в духе, на метро возвращаемся с работы. — Все воюют против всех, бьются за место под солнцем, сорняки проклятые... Интригуют, подставляют, предают. Цени, кто рядом с тобой, для кого ты небызраличен. — И он глядит так, будто только что спас мне жизнь.

* * *

Этот-то Янек и предложил мне подрабoтать.

Сначала я был в шоке, но виду не подал.

— Только не для геев, — предупредил на всякий случай.

— В фильмах для геев гонорар выше, — равнодушно заметил Янек.

Это была порноиндустрия. Фильмы бессюжетные, герои встречаются на улице, идут в гостиницу или общагу, на стройку, в заброшенный парк — и начинается секс. А то и еще проще: герой уже в гостях и сразу секс.

— Мы снимаем видео для обычных дрочеров, — сказал режиссер Бося Камский. — Им не нужен сюжет, а быстро кончить.

Черненький, кругленький, вертлявый Бося — и режиссер, и продюсер, и оператор, и осветитель с монтажером. Он же занимался продажей порнороликов и пиаром своей студии «Раша Секс Пистолз». Студию он создал в девяносто первом (одна из первых в стране, как написано в Википедии). Сейчас Босе почти шестьдесят, и больше всего на свете он ненавидит члены и вагины.

— Только чтобы моего лица не было видно, — ставлю я условие Босе.

— Молодой человек, — устало кривится наш режиссер-оператор, — ваше лицо в этом бизнесе никого не интересует. Наши потребители — натуралы сугубо мужского пола.

Да и фигура (что греха таить) для порно у меня была так себе. Узкоплечий, длинный, с животиком. Не Аполлон, не мачо. Бороду на современный манер я отчаялся отрастить. Вечный юноша. Которого жизнь потрепала, но так ничему и не научила.

Сначала из-за треволнений у меня не стоял. А потом я не мог удержаться и кончал посреди сцены. Чем развеселил партнершу, тамбовскую деваху, выпускницу тамошнего пединститута, факультет дошкольного воспитания.

— Как ты здесь оказалась? — спросил потом я. — Ты же должна работать в детсаде?

— Вот я и работаю, — ржет она.

Маленький кривоногий Бося злился, потел, хватался за лысую голову и писклявым голосом кричал, что аренда номера в гостинице стоит денег. Все нужно снимать быстро, *архибыстро*. А из-за меня процесс затягивался.

Бося, глядя на меня, кривился, как от зубной боли. Поразмыслив над обстоятельствами, он предложил сначала снять финальную сцену. Потом перекур пятнадцать минут, и с новыми силами в начало.

— И тогда второй раз будет долгим, как подъем инвалида на Эверест... — мрачно шутит он. — И так же никогда не закончится, вернее, закончится ничем...

Не знаю, снимался ли Янек в таких фильмах — он со мной не откровенничал.

— Я уже прошел стадию обычных съемок, — пренебрежительно бросил он как-то.

Что это значило? Что он снимался теперь в *необычных*?

А может, он и правда только находил и приводил на площадку таких придурков, как я. Но гонорары были так себе. Думаю, все заработанное Бося попросту прикарманивал, выдавая нам копейки. И мне это надоело.

К тому же случилось еще кое-что.

Я человек аполитичный, в отличие от Янека. Считаю, что перемены приходят не когда их готовят, а когда в магазинах исчезают хлеб, соль, спички. Он же не пропустил ни одного оппозиционного

митинга за последние годы. А после участия в митинге поддержки главного оппозиционера России Янека поперли с работы. Замдиректора театра по хозчасти вызвал его к себе в кабинет и предложил либо по собственному желанию, либо по статье.

— По какой это статье? — дерзко спросил Янек. — Которая в «Российской газете»?

— Не волнуйся, — мстительно, с улыбочкой ответил ему замдиректора, — был бы человек, а статья всегда найдется.

И Янек не стал упираться. Дисциплина у него на работе была так себе, и они бы легко нашли, за что его уволить.

Времена менялись. Оттепель в России всегда заканчивается заморозками, говорит мой отец.

Совершенно неожиданно (прежде всего, для меня) Янек собрал рюкзак, довольно быстро получил визу и приглашение и свалил в Польшу, к своей бабушке. Как он сказал, пока Россия «не вспрянет ото сна» («вспрянет»? — господи-помилуй, что это за слово). А уже через неделю он закидал меня в соцсетях фотками из Германии, Франции, Италии. Стоит ли говорить, что в европейское турне он отправился вместе с бабушкой — и на ее деньги.

В отличие от него, у меня нет бабушки в Польше. И теперь в срочном порядке я принялся искать жилье — одному мне квартиру не потянуть. И вот удача! Достаточно скоро подвернулся, как я думал, очень неплохой вариант.

* * *

Зима стояла бесснежная. Мутная и убийственная, как паленая водка.

То и дело моросил мелкий дождь. Надолго повисала невидимая, но противная водяная пыль. И тогда казалось, что город сначала завернули в мокрые, серые, больничные простыни, а потом, скомкав, ищут, куда их выбросить, — и не могут найти.

Серое небо, серый город, серые люди. И каждый день — пронзительный, сырой, холодный ветер, мгновенно прохватывающий насквозь, налетающий разом, будто из щели в преисподнюю.

Там, где я родился, зимы совсем другие. Да и лето тоже. Зима минус сорок, лето — плюс сорок. Лето так лето, зима так зима.

— Снега наваливает до второго этажа, — рассказывал я здешним знакомым, — идешь домой по траншее. Метель завьюжит — на улице потеряться можно. Стоишь, как в стакане молока, и не знаешь — куда теперь? Или идешь солнечным морозным утром, а снег хрустит под ногами, как будто кто капустой закусывает... А тут жижа грязная солью чавкает.

— Что ж ты там не остался? — ехидно прищурившись, спрашивают они.

Вот именно, почему? Денег, славы захотелось? Мир посмотреть? Ощутить себя свободным? Думал, это все есть только в большом городе. Попытаться кем-то стать, кроме как провинциальным жителем? В молодости это важно. В молодости это простительно. Чтобы потом не было мучительно больно за неиспользованный шанс.

Я уехал, потому что люди и провинция не меняются. Никогда. А я хотел перемен.

Так я должен был ответить. Но промолчал. Может, потому что потерял веру и в это?

* * *

Мокрый снег залепляет окна домов и авто. Лепит прижизненные маски с лиц прохожих. Тает, течет за воротник.

Мы договорились с риелторшей, что я сам приеду по нужному адресу.

Покуривая, она ждала меня возле подъезда. Крашенные волосы, минимум косметики. Простая, крепко сбитая, на такую вряд ли взглянет олигарх, все нужно зарабатывать самой. Своей смекалкой, наглостью, хитростью. Воронеж или Тверь, думал я, Калуга или Смоленск. Сто процентов в прошлом такая же лимита, как я. По телефону назвалась Мариной. Здравствуй, сестра, здравствуй, Россия.

Голос с хрипотцой. Говорит быстро, уверенно, взгляд с прищуром. Просканировала сверху вниз — и сразу оценила, кто ты: коттедж или хрущоба. Другие в эту профессию не идут. Какой, например, продажник из меня? Всегда буду в прогаре.

Квартира сдавалась за копейки. В районе метро «Демидовская», десять минут пешком. Не центр, но и не окраина.

Конечно, ее дешевизна меня насторожила, но я все равно обрадовался. Однако, ненадолго.

— Соседи позвонили родственникам, уже запах пошел, — рассказывает Марина как ни в чем не бывало, когда поднимались по лестнице. — Старуха ни с кем не общалась, а в последние годы свихнулась окончательно. На всем сэкономила — отрезала телефон и электричество. — Марина открывает квартиру, заходит первая: — Прележала дней пять, а может, неделю. В общем, запах еще не выветрился.

Какое там — не выветрился! В квартире стояла такая вонь, запах впитался даже в стены.

— Жила с кошками. — Марина закуривает, чтобы перебить запах. — С соседями в контрах. На улицу не выходила. Поэтому никто и не хватился.

— Отомстила старушка. — Я закрываю нос салфеткой.

— Подгадила на славу, — хмыкает, затягиваясь, Марина. — Свалилась в комнате, лицо и руки кошки объели. Сквозь паркет протекло... В общем, кошмар... Денег на ремонт нет, хозяева пытались продать, но люди, как узнают...

— А кошки? — зачем-то спросил я.

— Что кошки?

— Куда кошек дели?

— Какая разница? — Смотрит, как на придурка. — Наверное, в приют.

Я молчу. Неприятная история. И, кстати, эти кошки, попробовав человечины, теперь наверняка стали людоедами.

— Ну так что, селишься?

И глянув на меня с прищуром, на секунду задумавшись, как бы оценивая, вдруг неожиданно предлагает:

— А может, купишь?

— Что?

— В рассрочку!

Она снова закурила.

— Смотри, треть отдашь сразу, а я помогу с кредитом. В итоге квартплата будет как бы ежемесячным взносом. Для тебя — это супер.

В жилье я нуждался. Денег на приличную съемную квартиру все равно нет. Если поможет с кредитом, что-то попрошу у родителей, они продали каменный гараж и бабушкину дачу. Но как совладать с этой вонью?

— К запаху привыкнешь, — как будто угадала мои мысли. — Двушка сама в руки идет, такой шанс на миллион, — продолжала расхваливать. — Желающие найдутся. Времена сейчас... Это я тебе как родному предлагаю.

Кухня, гостиная, спальня. Комнаты большие, изолированные, и потолки высокие. Старый фонд. Высокие потолки — это важно. На мозг не давит. Для меня — невероятные хоромы. Заманчивое предложение, очень заманчивое.

— Тихий район, дружелюбные соседи... Этот дом был когда-то — ого-го! Здесь жила советская элита, — держа на отлете сигарету, продолжает Марина. — Таких в городе всего несколько. Это тебе не «хрущевки» или «брежневки». Там сам знаешь, не квартиры, а срань господня!

Под ногами хрустят осколки стекла. Кругом мусор, обрывки бумаги и обоев, доски с ржавыми гвоздями. Хозяева разломали мебель, выбросили все вещи на помойку.

В гостиной возле батареи большое пятно.

— Здесь и лежала, — показывает подбородком, — пол, стены обдерешь, обрабатываешь химикатами, хлорочкой.

Все, что осталось из мебели, — кресло-качалка.

Я удивлен.

— Старинная вещь, — уважительно кивнула Марина, — хозяева говорят, принадлежала Крупской, жене Ленина.

— Да ну?

Оказалось, старушка-то — видный деятель компартии, депутат Верховного Совета СССР.

— Варвара Степановна Лемех-Абрамова, работала в аппарате советского правительства, — прочитала по бумажке риелторша, — прожила... — пробежала глазами и присвистнула, — девяносто с лишним лет.

Двигаемся дальше.

Марина открывает очередную дверь, включает свет.

— И еще один бонус — та-рам! — кладовка.

На хрена она мне?

Комнатенка доверху забита старыми книгами, афишами, журналами. Стопки газет, связки писем, толстые ветхие папки. И слой пыли, как серый нетающий вечный снег. Снег вечности.

— Родственники не захотели забирать. Делай, что хочешь.

Осмотр заканчиваем на развороченной кухне. Деревянные оконные рамы с облупившейся белой краской, грязный истлевший тюль. Горшок с засохшим цветком. Потолок от жирной кухонной копоти похож на затоптанный уличный асфальт. Может, прежние хозяева ходили по потолку вверх ногами?

От вони меня подташнивает. Разболелась голова, но я креплюсь.

— Ну как? — хищно уставилась Марина.

— Дайте подумать, — мямлю я через салфетку, — пару дней.

— Ответ нужен завтра.

— Я позвоню.

И пулей вылетаю на улицу.

Да, предложение заманчивое. Но что делать с вонью? Мне ж там жить. Не знаю, надо все обдумать. Однако...

На следующий день я согласился.

* * *

Я бросил занятия в студии.

Был ли у меня талант? Вот в чем вопрос. Главное в жизни — время поставить точку. А еще лучше — многоточие. А в идеале — восклицательный знак. Ушел из театра и устроился подсобным рабочим в центральный государственный архив.

Иллюзий насчет актерского будущего больше не осталось.

В этих старых домах живут одни бабки. Ни одного старика, деда с седенькой бородой и в залатанных валенках. Бабки в цветастых, сильно застиранных, безразмерных, домашних халатах. С торчащей ночной рубахой. Бабки с покрашенной в огненно-рыжий цвет сединой, вставной челюстью и вечным запахом лекарств.

А вокруг вьются кошки. Такое личное кошачье облако. Ходят по колену в кошачьих земных небесах. В двух шагах от кошачьего рая. Они же все кошатницы — одинокие, русские бабки.

Я понимаю, что они чьи-то матери. Внуки выросли, вся радость — посплетничать, сидя возле подъезда. С кошкой на коленях. Это их спасение от одиночества.

Почему старость бывает такой грустной? И почти всегда одинокой?

После оформления документов я занялся квартирой. Какой-никакой, а своей — предел мечтаний многомиллионной лимиты.

Зимой ремонт обычно не делают, но что оставалось?

Использовал хлор, уксус и щелочные растворы. Работал в респираторе, вымел и вынес мусор. Ободрал обои, проводку и потолок. Снял вспученный, выбитый, щербатый паркет — и замер.

Под местом, где старушка упала и померла, лежали... ее скопленные пенсионные денежки! Каждый месяц, на протяжении десятилетий, она складывала свою пенсию не на счет в банке, а здесь, под паркетом. Упаковывала в целлофановые мешочки из-под хлеба, перетягивала резинками для волос.

Я обомлел и растерялся. Глядел сквозь туман на пачки и думал: не позвонить ли бывшим хозяевам? Марине или в полицию? А, может, хотя бы родителям?

Помаевшись с полчаса, решил — никаких звонков. И оставил деньги себе. В конце концов, я нашел их у себя дома, значит, они принадлежат мне. К тому же, я почти все верну бабкиным родственникам, выплачивая долг за квартиру.

Бабуля, ты для меня настоящий клад! — как безумный хихикал я, воровато пряча деньги в сумку.

И тут... я что-то почувствовал, будто кто тихо проскользнул, прошел за спиной. Волна холодного воздуха... Я быстро оглянулся — никого. Нервно вытер со лба пот, выровнял дыхание, успокоил сердце. От событий, произошедших за последнее время, и свихнуться недолго... Нужно все обдумать и успокоиться.

Запрятав сумку с деньгами в чулан под бабкину макулатуру, я пошел в бар и хорошенько надрался. А на следующий день нанял бригаду ремонтников. Они сделали все, как надо: вставили пластиковые окна, выровняли стены, наклеили суперобои. Заменяли проводку, сантехнику, газовую плиту. Провели вытяжку и установили кондиционер. Что еще? Подвесные потолки и ламинат на пол.

Я им хорошо заплатил — бабкиными деньгами. Деньги ведь не пахнут. Даже если это деньги мертвой старухи.

* * *

Горят окна в домах напротив. Иногда кажется, они складываются в некие буквы, цифры и даже слова. Я рассматриваю себя в от-

ражении темного окна. Какое чужое лицо! Незнакомец глядит из глубины ночи.

...Город изрезан речками, каналами, канавками и ручьями, закован в мрамор и гранит, закатан в асфальт. Придавлен бетоном и железом, дышит с одышкой. Носятся по ущельям меж небоскребов ледяные сквозняки, загоняют людей под землю, в жаркий и влажный смрад преисподней, которую здесь называют метро.

Каждый день, рано утром (у меня строгая начальница) в набитом такими же горемыками метро, еду в высокое серое монолитное здание. Двадцатиэтажную башню — нет, не из слоновой кости — из стекла и бетона.

Прохожу вахту с суровым охранником, надеваю серый халат, черные хлопчатобумажные перчатки. Моя работа здесь, как и в театре, — в основном, подай-принеси. Из хранилища в читальный зал вожу на тележке заказанные толстые дела и папки. Делаю копии с документов. Выдаю микрофильмы, записи на магнитной ленте, компакт-дисках.

После шума и грохота города мне нравилась тишина в огромном, многоэтажном здании, его залах, где все говорят шепотом.

Поздно вечером на метро, через продуктовый магазин возвращаюсь в свою квартиру. Никаких перемен — и я даже счастлив.

Вроде все стало как нельзя лучше. Но иногда... да, иногда накатывает тоска, природу которой я не понимаю. Может, это подсознание мстит за несбывшиеся планы и мечты? Ну так что? Не всем же становиться знаменитыми актерами или писателями.

Не нужно взлетать в мечтах высоко, не придется больно падать.

Но перепады настроения, которые я не мог ни объяснить, ни понять, не проходили...

* * *

Постепенно я познакомился с соседями по подъезду. Старушками, вся жизнь которых прошла в нашей сталинке.

Квартира Нины Васильевны напротив моей. Строгая, прямая, как жердь, с костяным гребнем в коротко стриженных седых волосах. Ходит, опираясь на палочку.

— Сюда редко теперь вселяются, — сказала в день знакомства, — в основном, выселяются. На кладбище...

Недоверчивый пристальный взгляд сквозь очки. На домашнем халате — орден «Знак Почета». Настоящий. Так выглядят на пенсии директора небольших советских предприятий или канувших в лету НИИ.

Во время ремонта, каждый божий день приходила давать советы, чем сильно раздражала мужиков из бригады. Я относился к ней вполне дружелюбно — бабушки все такие.

Но в то утро Нина Васильевна сильно удивила. Встретились на площадке, будто меня поджидала. Я опаздывал на работу. Второпях распахивал по карманам ключи, пропуск, телефон, кошелек.

— Не считайте меня сумасшедшей, — с достоинством произнесла Нина Васильевна и сделала паузу; затем поправила очки, переложила костыль в другую руку, — я понимаю, это звучит дико, но... — Опять замолчала и, наконец, решилась: — Вчера я видела Варвару Степановну.

— Кого-кого? — не понял я, натягивая перчатки.

— Хозяйку вашей квартиры.

— Какую хозяйку? — опешил я, забыв про шарф и вязаную шапочку. — Она же...

— Да-да, — соседка энергично, по-птичьи закивала головой, приблизившись вплотную. — Варвара Степановна стояла у вашей двери.

Я знал, покойницу в подъезде недолюбливали. Наверняка называли за глаза старой стервой и ведьмой. Но не до такой же степени!

— Это, наверное, была ее дочь или риелтор? — Я опаздывал, нервничал, и соседка со своими глупостями меня раздражала; я хотел от нее побыстрее отделаться.

Старушка обиженно пожевала сморщенными губами, повернулась и пошла к себе.

— У нее нет дочери, только сын-дурак. И уж молодую женщину я отличу от девяностолетней старухи.

Я человек не суеверный. Люблю посмотреть на ночь добротный ужастик, почитать современную городскую страшную сказку. Потому что Санта-Клаус для меня умер еще раньше Бога и Ницше. И утреннему разговору не придал особого значения — старушка явно приняла не те таблетки.

День прошел как обычно. На метро домой. Из булочной на углу пахнет горячим хлебом. Единственное место в городе, где пахнет чем-то родным, домашним. Остальные запахи в мегаполисе — чужие, неприятно агрессивные.

Куплю горячего хлеба и буду есть по дороге.

Дома, переодевшись в футболку и шорты, ужинаю полуфабрикатами. Пара бутылок пива перед ноутбуком. Смотрю новости, ютуб-каналы о еде и путешествиях, кляну носом и засыпаю.

А ночью... Вот что случилось ночью.

Проснулся я от того, что, как показалось, забыл выключить телевизор. Хотя точно его не включал — причем ни разу после переезда. Он особо не нужен — есть интернет, мне хватает. Остался от Янека.

Телевизор в соседней комнате. В гостиной работал телевизор, я это отчетливо слышал. Кто-то включил его на полную мощь. Но кто?!

И тут случилась еще одна невероятная странность. Я видел это своими глазами! На моей кровати... сидели две здоровенные кошки!

Откуда?! Испуганно я крикнул «брысь!», и они, спрыгнув, с фырканьем убежали.

С неприятной дрожью в ногах встал и пошел на свет и звук — туда, где работал телевизор.

Там я ее и увидел.

Она сидела вплотную к телевизору, чуть раскачиваясь, в своем любимом кресле-качалке. Клетчатый плед, толстая книжка, громкость на всю катушку. На экране «белый шум». У ног лежат худые черные кошки. Увидев меня, они подскочили и зашипели.

— Ты только представь, что в мире делается? — Как ни в чем не бывало, кивает на пустой экран: — Совсем с ума посходили... Такую страну развалили, эх... Сталина на вас нет!.. — И, погоняв во рту вязкую слюну, зло выдает: — Деньги взял и не постеснялся? Вынеси хоть мусор из кухни, воняет, будто кто сдох... — И, грозя пальцем, с угрозой добавляет: — Имей в виду, никаких баб в моем доме!

В ее доме — резануло слух. Значит, она считает — это все еще ее дом?

В комнате невероятно холодно, будто я забыл закрыть окно. Из рта шел пар. Зябко поежившись, переступая голыми ногами, я хотел сказать что-то дружелюбное, но черные кошки свирепо зашипели, выгнув спины. Будто прогоняли.

Испуганно отступив, покачнувшись, я замахал руками — и тут же провалился в бездонный колодец. А через мгновение с промок-

шей от пота футболке, с прилипшими ко лбу волосами, подскочил на своей кровати...

На часах — четыре утра. Свет уличного фонаря, и черное, как гудрон, декабрьское небо. В нем увязла копейка-луна и несколько просыпанных из дырявого кармана семечек-звезд.

Сердце прыгало игрушечным мячиком, билось о ребра. Скомканые простыни, мокрая от пота подушка. Неужели всему виной дешевое пиво?

Пулей соскочив с кровати, включил свет. Прислушался — в соседней комнате тихо и темно.

Прислонясь к холодной стене, медленно пришел в себя.

Это же был просто сон? Ночной кошмар?

В ванной в аптечке нашел упаковку пенталгина.

Закинул две таблетки в рот, запил водой из-под крана. Но противный липкий страх не проходил.

Взял кухонный топорик, с минуту скептически повертел в руках. Наконец решился и опасно заглянул в комнату с телевизором.

Клетчатый плед висел на спинке кресла-качалки. На самом кресле лежал потрепанный том Ленина, с торчащими из него закладками...

Черт! Когда читаешь одновременно несколько книг, снятся странные, неожиданные сны. Особенно, если эти книги пропахли трупом.

Послonyaвшись еще с топориком по квартире, ничего не обнаружив, лег в постель. Но сон не шел. Поворочавшись, пропялившись в потолок, в полшестого окончательно поднялся.

Сварил кофе, но, задумавшись, опрокинул чашку на себя.

С раздражением собирался на работу. И делал я это быстрее обычного. С оглядкой на темные углы.

Через полчаса еду в метро в свой госархив. К пыльным папкам, строгой директрисе, желчным, измученным гастритами и колитами научным сотрудникам.

Утреннее метро переполнено хмурыми, не отошедшими от сна, со смертельной усталостью в глазах горожанами. Дремлющими, стоя, студентами в наушниках и плохо одетыми приезжими с испуганно бегающими глазами потерявшегося ребенка.

— ...И вот, Сема, я пытался достать из нее ребенка, — сонно слушаю разговор двух сидящих рядом одесситов, — и застрял в ней на пятьдесят лет...

— Нами правят православные чекисты... да-да! Видел их вчера в Храме Христа Спасителя, одной рукой крестятся, другой кобуру расстегивают...

— Вот послушай, милый: «...Раскаленные звезды, шипя, гасли в горном озере, круглом и глубоком, словно гигантская каменная кружка бога. На бесшумных лапах выполз густой туман, и всадники на лошадях застряли в нем, как хлебные крошки в деревенской сметане. Было страшно одиноко, и жутко хотелось дожить до утра. Но утром...»

— ...Помнишь его прошлогоднее обращение к нации? Я устал, но я не ухожу, ха-ха-ха...

— Но ведь миллионам он нравится.

— Да, конечно, миллионы мух не могут ошибаться.

— Всех, сволочи, не пересажают... Отступить есть куда, позади Европа...

Освободилось место, и я сел. Не люблю смотреть на свое отражение в окнах метро. Такое чужое и безжизненное. Кто этот незнакомец? Чуть вытянутое бледное лицо. Короткая «правильная» стрижка: всегда был конформистом. Крупный нос и рот, тонкие губы, слабый подбородок. Глаза... Глаза человека, сорвавшегося в пропасть и чудом спасшегося. Или только что раскрытого агента. Лицо, лишённое особой индивидуальности. Человек без свойств. Ну, и ладно. И слава богу...

Закончив себя разглядывать, надел наушники и уткнулся в айфон. «Новые “отцы и дети”...— читаю статью в новостной ленте,— надежда России на поколение, родившееся после 2000-го года. Их родители слишком напуганы “проклятыми девяностыми”»...

Ну-ну, говорю я автору. Новому поколению комфортно в современной России. Бородатые дети, на содержании у родителей и государства. Они не интересуются политикой, инфантильны и не агрессивны. А чтобы победить, нужны злость, дерзость. Здоровая агрессия. Желание перемен, наконец. Кто готов менять теплое место в аду на продуваемый всеми ветрами рай? Рай, которого, может быть, и нет?

—...Вот и я говорю, надейся только на себя, дружок, только на себя... Рядом со мной сидит... мертвая старуха!

Я вытаращился на нее — в профиль вылитая Баба-яга, крючковатый нос почти достает до подбородка. Впалые щеки, лицо,

как горсть сушеных сухофруктов. Над бровью огромная бородавка с растущими из нее волосками. В изъеденном молью салопе, валенках и черном вдовьем платке, концы его она беспрестанно перебирает узловатыми, скрюченными пальцами.

Но где все?!

Только что вагон был забит под завязку, а сейчас мы одни.

В лицо пахнуло плесенью из подвала. Старым, прокисшим, слежавшимся нафталиновым тряпьем. Тухлым мясом, забытым летом на балконе.

— Надо жить на позитиве, да, мой дорогой? — показывает в улыбке старческие дряблые десны. — Человечество сейчас на самом пике. На пике, уходящем в Марианскую впадинку...

И тихонько хихикает. Но глаза ее не смеются. Смотрят из глубокого болота старости.

А поезд несется без остановок. Верчу головой, пытаюсь что-то разглядеть в окне. Вагон раскачивается, вот-вот сойдет с рельсов. Свет мигает и, наконец, гаснет.

Теперь мы несемся в крошечной тьме. Летим, болтаясь внутри наполненного беспросветной ночью аквариума. Побелевшими пальцами я вцепился в сиденье. И вдруг почувствовал, как кто-то прильнул, прижался ко мне. И даже сквозь несколько одежек я ощутил адский ледяной холод...

— Полюби дальнего своего...

— Отстань от меня! — ору и отталкиваю.

...Вагон переполнен людьми. Ярко горит свет. Пассажиры оглядываются. Кто сидел рядом, испуганно отсаживаются. Встают и смотрят, как на сумасшедшего.

Я ошеломлен не меньше их. Что со мной?! Вчера еще был Максиком, а сегодня — Безумный Макс?!

Оставаться в вагоне унизительно и стыдно. Ни на кого не глядя, бормоча извинения, протискиваюсь к дверям и выхожу на первой же станции.

* * *

На работу безбожно опоздал. Весь день ходил вялый и рассеянный, не мог сосредоточиться, чем вывел из себя свою начальницу.

— Максим, что с вами? Вы все путаете! — хмурит она брови, перебирая бумажки. — Это не работа! Так не годится.

Мне мучительно стыдно.

— Ну? — опять глянула на меня.

Я вздохнул и виновато отвел глаза.

— Кажется, заболелаю, — соврал и покраснел, — можно сегодня пораньше домой?

— Идите, — бросила, не отрываясь от бумажек. Святая женщина. Таких поискать.

К вечеру подморозило. Ноги разъезжаются на льду. С неба медленно падают, кружась, крупные хлопья снега. Будто не снег все, а разорванные на мелкие кусочки любовные записки, письма, черно-белые фотографии.

Миллион писем, миллиард записок... Снегопад из несостоявшихся любовных историй. Впервые с начала зимы — сыплет, сыплет, сыплет с неба чьи-то замерзшие слова. А весной все растает. Превратится в вешние воды...

Дни в большом городе похожи друг на друга. И мы здесь все похожи друг на друга. Стараемся выделиться внешне — модная одежда, обувь, прически, макияж, татушки. Но внутри, по сути, как одинаковые шестеренки в гигантском механизме. Крутимся-крутимся-крутимся. Сломался — заменили на другого, такого же. И дальше механизм — крутится-крутится-крутится, и так целую вечность — длиной в человеческую жизнь.

На метро домой через продуктовый магазин. Поужинать полуфабрикатами, пара бутылок пива, легкое чтиво на сон грядущий. Жизнь по кругу, однообразная, монотонная, лишённая смысла и будущего. Вялость мыслей, безразличие и скука. Но кто ее сделал такой, мою жизнь?

На прикроватной тумбочке у меня куча этого добра в мягких и пестрых обложках.

Разболелась голова, и опять всюду стал чудиться проклятый трупный запах... Завтра же выброшу это чертово кресло, плед и бабкины книги на помойку!

В шортах и тапочках слоняюсь по квартире. Пялюсь в черный квадрат окна. У родителей осталась большая коллекция винило-

вых пластинок — старый добрый рок, много фирменных дисков, стоили бешеных денег. Говорят, звук на них вроде как другой. Мол, живой, глубокий, настоящий, как на концерте. Никакой он не другой. Чуть. Просто он из моей юности, этот звук... Поэтому — живой и глубокий.

Нахожу в айфоне «Лед Зеппелин». Ложусь на кровать, вставляю наушники — и по лестнице, вместе с «черным псом» — на небеса...

И в эту ночь я проснулся так же внезапно, будто кто меня толкнул. В соседней комнате звучал телевизор.

В бешенстве я соскочил с кровати. Да что ж это такое?! С меня довольно!

Босой и разъяренный, через одно мгновение, задыхаясь от злости, я стоял в освещенном, странно искривленном и будто расширившемся пространстве.

Звук на полную мощность. На экране мелькание «белых мошек».

С тоской и отчаянием я посмотрел на кресло — чертова старуха и ее мерзкие кошки были там.

— Не вздумай, — тихо раскачиваясь, не отрываясь глядя на экран, с надменностью говорит она, — не вздумай выбрасывать мое любимое кресло и книги. А то все узнают, что ты украл мои деньги.

Опять этот мерзкий профиль Бабы-яги, обведенный светом из телевизора. Меня будто заморозило, я застыл на месте. А потом бросило в жар. Футболка тут же промокла от пота. Капельки выступили на лбу и висках.

— В чулане найдешь синюю папку, — продолжала проклятая старуха, раскачиваясь в кресле, — она тебе пригодится... — И вдруг повернула свое изжеванное старостью и болезнями лицо выжившей из ума городской ведьмы с торчащими во все стороны седыми патлами. Резко остановила костлявыми ногами кресло, подалась вперед, будто ее тело невозможно вытянулось в пространстве: — Я помогаю тебе... такому неудачнику, потому что... Потому лишь... Уйди с глаз моих и не подслушивай!..

Забыв про прошлый раз, испуганно делаю шаг назад и, как будто поскользнувшись — падаю, падаю, падаю спиной в бездонную пропасть, — хватаюсь руками, но ухватиться не за что. И падение это длится вечность.

До серого, как простыня алкоголика, утра.

* * *

...Обнаруживаю себя на полу среди скомканных простыней, мокрых от пота подушек. Проснулся от холода, до боли отлежал руки и ноги.

В квартире дубак, настезь открыты все окна.

Да что за черт! Разве я их открывал?!

Сегодня суббота, выходной. Но по закону подлости, я просыпаюсь ни свет, ни заря и не могу уснуть.

Голова побаливала, но не сильно. На улице ничего нового. Хмуро, пасмурно, будто унылый рисовальщик штрихует пространство серым. Пачкает небо кляксами, ломает грифель, рвет бумагу. А в образовавшуюся прореху — тот же дождь со снегом.

И невозможно понять, сколько сейчас времени?

За ночь совершенно не отдохнул.

Поеживаясь от еще не прошедшего холода, зевая, поплелся на кухню.

В зале телевизор мельтешил белым шумом. Я теперь старался не обращать на это внимания — может, я лунатик и сам его включаю? Может, у меня психическая болезнь?

В любом случае это плохо, и я не хочу об этом думать.

Позавтракал овсянкой из пакетика — заварил кипятком в чашке серую массу. Аппетита не было. Вывалил все в помойное ведро. Тупо смотрел в окно, помешивая ложечкой остывающий кофе.

Мокрый асфальт, на котором будто серая вата из старой обивки, лежал островками снег. В лужах, как в кривых зеркалах, отражался перевернутый мир. Сырой ветер с залива высекает слезу, лезет холодными пальцами под одежду, гонит редких прохожих, как опавшие листья с призрачных мертвых деревьев... Машины разбрызгивают зимнюю слякоть в разные стороны. Останки старухи-зимы... Мертвой старухи.

Тьфу ты!

В сердцах выплеснул недопитый кофе в раковину. Настроение окончательно испортилось. И я вспомнил — синяя папка.

В чулане пыльно и пахнет плесенью. Старой, изъеденной грибом и мышами бумагой. Он никогда не проветривался. Воздух спертый, душный, застоявшийся.

Я выкидываю в коридор всё — книги советских классиков в добротных сталинских переплетах и полувековой паутине. Перевязанные бечевкой пачки писем в диковинных конвертах. Мельком вижу на них фамилии Луначарского, Бонч-Бруевича, Калинина. Заберу на работу, в архив. Ветхие, рассыпающиеся в прах подшивки «Правды», «Известий», «Труда» тридцатых-сороковых годов, подумав, выбросил на помойку.

Синяя папка лежала в самом дальнем углу чулана, под собранием сочинений Демьяна Бедного. Достал, порушив, с остервенением распинав горы общественно-политической макулатуры.

Меня действительно разбирало любопытство — что в ней? Повертел в руках, задумчиво стер ладонью пыль. Уселся на кухне, развязал полуистлевшие тесемки.

В папке лежало уголовное дело. Начато 15 сентября 1935 года. Дело Исаяи Карповича Лемеха, 1870 года рождения. «Дед хозяйки квартиры, Варвары Степановны?» — вспомнил я редкую фамилию, названную риелторшей Мариной.

На двух фотографиях — профиль и анфас — длинноволосый, с косматыми бровями, бородатый старик. С худым лицом и строгими, колючими глазами. Взгляд бесстрашный и обличающий, как у библейских пророков на репродукциях.

Я задумчиво пролистал пожелтевшие машинописные листы.

Дело оказалось неполным, отдельные, разрозненные страницы. Материалы следствия Варваре Степановне наверняка передали хорошие друзья — из органов или сочувствующие партаппаратчики. Может, сразу после смерти Сталина, когда начался вал реабилитаций.

Но она спрятала бумаги, не стала, как все, добиваться пересмотра. Странно, очень странно. Вместо восстановления доброго имени предка она выбрала его несправедливое забвение? Почему?

Что ее смущало?

Но, читая хрупкие от времени листки, я, кажется, догадался. Все просто. Это давнишнее дело могло помешать ее партийной карьере, которая во время хрущевской оттепели стремительно пошла в гору. Реабилитация, обсуждения, публикации привлекли бы внимание общественности и прессы. Не дай Бог, еще и на Западе. Многое пришлось бы объяснять. А как объяснить необъяснимое? В стране победившего атеизма? История ведь действительно непростая, странная, необычная.

Но почему тогда вовсе не уничтожить папку?

Нет, совесть ее не мучила. Значит, в деле есть что-то очень важное. Возможно, она надеялась, что, когда эта история не сможет ей навредить, она будет прочитана и вполне вероятно, опубликована.

Что ж, пусть так. Я тоже ведь случайный читатель, мне-то какая разница? Все участники этой драмы давно мертвы (ну, или почти, вспомнил я старуху). Теперь это не более чем литература.

Заварил свежий крепкий кофе, достал сигареты и начал читать.

«Из показаний Исаяи Карповича Лемеха, главы баптистской церкви Великого Божьего Страх (с 1920-х на территории РСФСР действовала нелегально), 29 сентября 1935 года:

—...Говорили, что в своем походном саквояже он возит копыто и обрубок хвоста беса, которого однажды поймал и с помощью слова божьего наказал. Авторитет его был велик: многие называли святым и относились как к святому. Говорили, он ищет какую-то книгу, важную для всего мира, но что это за книга и зачем она нужна — не знаю. В поисках книги он ездил по горам и степям, не боясь ни разбойников, ни диких язычников, ни колдунов, ни шаманов.

Рассказывают, на теле его была не то тонкая, из стального волоса, кольчуга, не то особенные вериги, на руках — железные рукавицы. Ездил он на огромном белом огнедышащем коне, называл себя истинно христовым воином. Говорят, чтобы крест господень всегда был при нем и никогда не потерялся, он вырезал его себе на лбу.

Рассказывали, как он пришел на шаманское камлание, и самый великий колдун вдруг разом онемел, будто у него отнялся язык, стал недвижим, как соляной столб. Отец Макарий тронул чародея рукой, и тот рассыпался в прах. В этот день святой отец обратил в христову веру полторы тысячи язычников.

В другой раз язычники накинулись на него с ятаганами и топорами, но те в их руках стали мягкими, как воск, и Макарий спокойно прошел меж их замершими рядами, оставшись невредимым.

Рассказывали, как однажды в большом городе царские жандармы, сыщики и полиция осадили в публичном доме банду Степки Меченого, самых отъявленных в то время убийц и грабителей. На их счету было много погубленных жизней. Грабили дома и церкви, не оставляли свидетелей. Не щадили никого, ни детей, ни женщин, ни стариков. Сказали, что живыми не сдадутся. И стреляли в любого, кто пытался подойти. Но отец Макарий, как заговоренный,

прошел под градом пуль, и ни одна в него не попала. Он убедил разбойников сдаться.

В городской тюрьме он исповедовал их перед повешением и остался с ними до конца. И эти жестокие убийцы и насильники целовали ему руки и плакали от счастья, как дети.

Говорили, что, приняв схиму, он провел в затворе Симбирского монастыря много лет.

Народ говорил и вовсе невероятные вещи. Что сам он, мол, в прошлом великий разбойник. Проклятый всеми убийца и беглый каторжник. Но однажды явился ему Господь, отразившись в луже крови одной из жертв. Словно молния поразила Макария. Он стал, как парализованный, ослеп, оглох и онемел на девять дней — и вновь прозрел. Произошло чудо преображения. Макар Голун (так звали его в миру) уверовал, и все стали величать его отцом Макарием...»

Заглянул в конец текста. Допрос вел следователь НКВД Михаил Тимофеевич... Гадунов?!

Стоп. Что?!

Я уставился на фамилию.

У следователя фамилия Гадунов?!

Еще школьником я миллион раз слышал от бабушки и дедушки семейные предания о том, как прадеда Михаила (опять совпадение?) в сталинские годы неожиданно арестовали, а потом расстреляли. Прадед вроде как занимал высокую должность в центральном аппарате партии. Оставшись одна, прабабушка переехала из столицы в провинцию, к своим родителям, тихим советским учителям обычной средней школы. Там в 1936-м у нее родился сын, мой дед.

Но этот М.Т. Гадунов явно ведь однофамилец. Он же никакой не партийный деятель, а следователь НКВД. Как может быть родственником один из винтиков кровавого режима, от которого пострадала наша семья?

На душе стало как-то тревожно, скверно. Будто только что раскрылся мерзкий обман, подлая ложь... Так ли это? Завтра позвоню родителям — развею сомнения, и все встанет на свои места.

В шкафу на кухне взял полупустую бутылку коньяка, налил стопку и, сморщившись, выпил. Никогда не любил этот напиток («Клопами пахнет», — говорил отец). Закусил подгнившим бананом, нашедшимся в холодильнике.

Закурил. Допил остатки холодного кофе, вернее, гущу на дне. Чтение становилось все интереснее и интереснее.

И я продолжил.

«Следователь НКВД Гадунов:

— Теперь о секте Святых Волхвов. Как они связаны с отцом Макарием?

Молчание.

— Ну?

Лемех:

— Это древняя секта, но я почти ничего о ней не знаю. Ее адепты поклонялись трем магам, Балтасару, Мельхиору и Каспару. История из Нового Завета о волхвах, первыми пришедших поклониться новорожденному Иисусу. Странники секты верят, что маги занимались воспитанием Христа на протяжении всей его жизни. Сопровождали во время путешествия на Восток, в Индию, на Тибет, оставались с ним до последней минуты. Это якобы описано в особой книге. Из поколения в поколение они заучивали ее наизусть. Члены секты верят в бессмертие волхвов, кочующих из эпохи в эпоху, меняющих страны и континенты.

— Что там про книгу? Поподробнее.

— «Книгу Волхвов» привезла из Византии в Россию Софья Палеолог.

— Кто такая?

— Бабушка Ивана Грозного.

— Дальше.

— Вот, собственно, эту книгу и хотел найти отец Макарий.

— Зачем?

— Чтобы уничтожить. Он считал, она опасна. Может попасть в руки нечестивых, и те превратят жизнь на Земле в ад.

— Еще раз, что в этой книге?

— Истинное описание жизни Христа, его никому не известные молитвы, притчи, псалмы, песнопения. Их много! Невероятная сила, которая может все изм...

— И что, нашел?

— В том-то и дело...

— Неужели уничтожил?

— Нет, конечно. По преданию, ее нельзя уничтожить. Можно только спрятать. Это книга, у которой нет ни начала, ни конца. Ну, вроде как она постоянно сама себя пишет.

— И кто-то верит в эти бабкины сказки?

— Миллионы.

— А вы?

— Я видел, как словом раздвигали горы, поворачивали реки. Словом, можно разрушать империи и строить города на Луне...

— Города? На Луне? Вы в своем уме?

— Вот в этом не уверен, товарищ начальник. Возможно, моими устами сейчас глаголет сам отец Макарий...

— Допрос окончен, уведите арестованного.

(Примечание: Лемех глупо хихикает, видимо, симулирует душевную болезнь или действительно болен. По моему приказанию контроль над ним усилен.)...»

Я оторвался от чтения. Сигарета в пепельнице истлела до фильтра. Кофейная чашка пуста. Быстро глянул в темноту за окном.

Что-то меня во всем этом пугало, вызывало беспокойство, тревогу.

Гаденький, подленький страх, будто кто пугает.

Подумаешь, старое уголовное дело!

Старое и странное... Именно это и тревожило — в нем говорилось о вещах, которые не укладывались в мое привычное понимание мира.

Оглушительная темнота и тишина. Ночь миллионами звезд смотрит и чего-то ждет.

Свидетелем какой драмы, странной истории я оказался?

Вселенская тьма — ни звука. Будто мир вымер или замер в ожидании.

Встав и хрустнув суставами, сделал несколько простеньких гимнастических упражнений. Шея затекла, побаливал затылок — покрутил головой влево, вправо. Прошелся по квартире.

Глянул на кресло-качалку.

Пусто.

На кухне соорудил бутерброд с ветчиной, помидором и сыром, залил майонезом. Бутылка пива из холодильника. Я настроен дочитать сегодня бабкину папку до конца.

Жевал и листал страницы.

«Из показаний доктора исторических наук, профессора Бориса Анатольевича Гончарова, 2 октября 1935 года:

— ...По легенде, после смерти Ивана Грозного, сундуки с книгами спрятали в подземельях Кремля. Говорят, там была и “Книга Волхвов”.

Следователь Гадунов:

— В чем ее ценность?

Гончаров:

— По преданию, книга делает великим своего владельца. Исполняет желания. Но она не дает бессмертия, в чем многие заблуждались, за что и жестоко поплатились. В народных сказках и былинах говорится, что она неуничтожима. И это главное испытание — можно стать великим, но нельзя бессмертным. Можно владеть, но нельзя уничтожить. Так кто над кем хозяин?

— Где она сейчас?

— Это мне неизвестно. Я историк, а не сыщик... Понимаете, у этих сектантов обычная каша в голове. Они верили в бессмертие волхвов, что они вечно кочуют по миру, защищают истинную веру и ее последователей. Верили в переселение душ. Но самое главное, за что, собственно, их объявили врагами веры и преследовали, — они признавали, что Сатана равновелик Богу, именно благодаря этому в мире и сохраняется равновесие...

— Сатанисты?

— Как вам сказать... Среди курдских племен, кочующих в Турции, Ираке и Иране, есть приверженцы секты езидов. На протяжении многих веков они одинаково поклонялись и Богу, и Дьяволу. Изображают его в виде павлина. Признают за ним, так сказать, реальную силу и, чтобы умаслить, приносят жертвы и тому, и другому...

— Хм, умно...

— Да, слаб человек, и, чтобы выжить, приходится приспособляться, дружить со всеми... Да и Дьявола, в общем-то, выдумали лишь затем, чтобы сваливать на него все несчастья и неудачи: мор, голод, войны. Не Бога же за это винить?

— Так что отец Макарий?

— В отца Макария, как они считали, вселился дух какого-то там архангела. И волхвы могут вселяться в других и глаголить их устами. Вы помните из Нового Завета историю с Царем Иродом?

— Нет, я не помню, я атеист.

— Царь Ирод, чтобы погубить младенца Христа, призвал волхвов и хотел у них выведать, где скрывается Святое семейство. Волх-

вы солгали ему и ушли в Египет. Но один из волхвов, четвертый, обиженный, что во время поклонения его не допустили к младенцу (сославшись, что ребенок устал), выдал Ироду тайну нахождения Марии с младенцем. Их спало только чудо — они едва убралась из Вифлеема, как там началось избиение младенцев. Имя тому волхву — Нахиль или Нихиль, я уж не помню. Узнав о предательстве, волхвы проклинали и изгнали его из своих рядов. Но он тоже бессмертен и как ангел мщения жаждет реванша... Вот такая, гм, библейская петрушка и опиум для народа.

Следователь Гадунов:

— Можно ли верить данной информации?

— Ни в коем случае! Помилуйте, это же народная молва. Легенды, сказания, преданья старины глубокой, так сказать...

— Вы лично верите?

— Безусловно!..»

«Из показаний бывшего сыщика царского сыскного отделения при полицейском управлении, Георгия Игнатьевича Жарова, 3 октября 1935 года:

— ...Рассказывали, его оскопили в тринадцать лет. Якобы он воспитывался в семье хлыстов. Родители хотели, чтобы он посвятил себя Господу. Видимо, после тех страшных событий у мальчика помутился рассудок. Говорят, у него открылись способности к ясновидению. Его пророчества сбывались, слава разнеслась по всей России. О нем писали в газетах, показывали на заседаниях теософских и прочих мистических обществ в самых богатых домах обеих столиц. Но он отрекся от громкой славы и денег и неожиданно для всех постригся в монахи. Тогда-то он и получил имя Макарий. А когда ему исполнилось двадцать, пришел в сыскное отделение и сказал, что хочет сотрудничать на добровольных началах. Как он выразился, бороться с бесовскими силами, безбожными организациями и тайными изуверскими сектами, заповолившими Русь. В донесениях подписывался М., в нашей картотеке числился под именем Христосик.

Благодаря его работе, мы выявили множество антиправительственных террористических кружков, тайных религиозных сект, спасли сотни невинных и заблудших душ. Стригольники, бессмертники, самокрещенцы, странники-бегуны, молокане, скопцы,

хлысты. Капитоновцы, адамиты, симониты, каиниты... Черт-те кто еще!

— Давайте вернемся к отцу Макарию...

— Наше сотрудничество с ним продолжалось до 1905 года. Видите ли, М. был яростным противником священника Гапона. Предупреждал сыскное отделение, что он провокатор и не миновать беды. Но вопрос был политическим — за Гапоном стояли тогдашний директор департамента полиции Алексей Александрович Лопухин и градоначальник Санкт-Петербурга Иван Александрович Фуллон, министры и многие политические деятели. Все заигрывали с народом, а Гапон оставался самой влиятельной и авторитетной фигурой среди питерских рабочих. И Христосика в грубой форме попросили не лезть не в свое дело. Кстати, Макарий был на площади во время расстрела мирной демонстрации. Уверяют, когда колонны пошли к дворцу, он пытался стрелять в Гапона, но рабочие его быстро скрутили и связанного бросили где-то в подворотне. Как знать, может, это спасло Макарию жизнь.

После Кровавого воскресенья и последовавшего затем манифеста Николая II о свободе вероисповедания Макарий исчез.

Последний раз я слышал о Христосике в 1913-м. Он объявился в захолустных губерниях империи. Рассказывали, он в одиночку ведет борьбу со всеми этими сектами, по сути дела, поставив себя вне закона. Вроде как ищет какую-то книгу, принадлежащую то ли последователям отца всей ереси Симона Волхва, то ли еще какому-то еретiku... Многие из наших тогда посчитали, что Макарий окончательно свихнулся, тронулся умом от потрясений, выпавших на его долю. Агенты из провинции в донесениях сообщали, что М. проповедует везде о грядущей страшной войне, революционных потрясениях. О том, что Распутин и Николай II погубят Россию. Как я уже говорил, власть никогда не любила Макария. Он обличал церковников и чиновников, не боялся вступать в открытый, публичный спор. Но теперь было дано высочайшее распоряжение о его задержании. Однако все попытки провалились. Христосик стал неуловим. Может, правда он обладал даром предвидения? А затем наступил 1914-й и 1917 годы...»

«Из показаний Игнатия Мошкина, прихожанина баптистской церкви Великого Божьего Страх (с 1920-х на территории РСФСР действовала нелегально), 5 октября 1935 года:

— ...В полнолуние, когда силы тьмы выходят на охоту за душами, мы вслед за отцом Макарием читали “Верую”, “Отче наш”, “Богородицу”. Исайя Лемех бился как в паучей и пророчествовал, что в 1941-м на нашу землю придет тьма — еще более страшная война, чем в 1914-м, смерть и мор. И тогда где-то на Белой Горе начнется последняя битва. Живые и мертвые увидят на склонах Горы войско Сатаны, а на вершине — Христово войско. Никто не знает, сколько будет продолжаться битва и кто победит, но каждый человек должен определиться, с кем он.

Следователь НКВД Михаил Тимофеевич Гадунов:

— Исайя Лемех был знаком с Макарием? Он был среди вас?

— Нет, помилуй Бог! Но мы чувствовали его присутствие и даже слышали его голос, читающий молитвы.

— Да что за бред! Белая Гора, где она находится?!

— Она везде, так пророчествовал Исайя Лемех. Она в каждом из нас, она...

— Заткнись! Я спрашиваю, как туда попасть...»

«Докладная

Довожу до вашего сведения, что в ночь с 17 на 18 ноября 1935 года, заключенный Исайя Лемех исчез из своей камеры. Нами была осуществлена проверка, выяснено следующее. Камера оставалась закрытой всю ночь. Двери в секции ночью были заперты и никем не открывались. Дежурный надзиратель через глазок проверял нахождение опасного заключенного согласно инструкции каждый час. В два часа ночи заключенный Лемех находился в камере. В три часа утра его там не оказалось. По факту исчезновения заключенного Лемеха возбуждено уголовное дело, дежурный надзиратель арестован. Проводится расследование».

За чтением я просидел почти до утра. Спина ныла, голова была тяжелой, подташнивало от кофе и сигарет.

В ванной умылся холодной водой. Глянул в зеркало — круги под глазами, кожа на лице, как кожа подпорченного банана.

Бледная нежить. «Дети ночи» из социальных сетей.

Рассвет нацедил несколько банок своего мутного света и оставил у окон и дверей всем желающим. Фонари погасли, как умерли.

Небо цвета дешевой туалетной бумаги. И такое же, наверное, на ощупь.

На улицу выполз наш дворник — худой, сутулый. С густыми, косматыми бровями. «Бобыль», думаю я всегда, когда его вижу. Говорят, отсидел десятку за убийство жены. Из ревности.

Как-то мы с ним разговорились.

Закашлявшись, будто решил выплюнуть легкие, он закурил первую сигарету.

— Вам бы к врачу сходить, провериться.

— Да ну, один хрен помирать. Я эту паскуду, жинку свою, и на том свете найду и убью.

Рассказывали, жена его была гулящая. Как-то пьяная недосмотрела, и их ребенок, упав в открытый колодец, утонул...

Загремели баками мусоровозы. Рабочие в оранжевых куртках и зеленых бейсболках громко разговаривали, ругались, смеялись чему-то своему, собирая отходы одноразовой, пластиковой цивилизации.

Туда бы всех нас.

Я прочитал почти всё и адски хотел спать. Мысли роились, как безумный улей насосавшихся медовухи пчел. Надо как следует выспаться.

Ясно, почему покойница спрятала дело своего деда, расстилая постель, вяло размышлял я. Слишком оно странное, мягко говоря. Невероятное и даже фантастическое. В советские годы посчитали бы бредовым. С таким прошлым и такими родственниками партийной карьеры не сделать, это правда.

Но что мертвая старуха хотела от меня? Чтобы продолжил расследование или наконец-то уничтожил папку?

Я решил оставить пока бумаги у себя и еще раз все обдумать.

И, кстати, с этого момента мертвая старуха больше мне не являлась.

